

Г. В. ФЕДЮНЕВА (Сыктывкар)

К ИСТОРИИ АФФРИКАТИВНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Словообразовательные суффиксы существительных, содержащие аффрикаты, имеют в пермских языках следующие звуковые формы: коми *-ач* (= *-ač*), *-ич* (= *-ič*), *-эч* (= *-eč*), *-идз* (= *-iž*), *-ōдз* (= *-ež*), удм. *-ич* (= *-ič*) (? *-ач* (= *-ač*)), *-эз* (= *-ež*).¹ Принимая во внимание, что огласовки многих словообразовательных суффиксов возникли из конечного гласного основы, отошедшего в состав суффикса — о чем свидетельствует их разнообразие —, в рассматриваемых суффиксах можно выделить два общих элемента — аффрикаты *-č* и *-ž*.

Вопрос о суффиксах, содержащих аффрикату, является одним из сложных вопросов именного словообразования пермских языков. Сведения о них, имеющиеся в литературе, представляют собой либо констатацию наличия в пермских языках того или иного суффикса (Wiedemann 1886 : 50; Емельянов 1927 : 109; Бубрих 1949 : 65; СКЯ : 157; в других грамматиках по пермским языкам не упоминаются), либо попытки установления генетического родства с суффиксами других финно-угорских языков (Toivonen 1927 : 226; Györke 1935 : 23, 29; Uotila 1933a : 153, 157; 1933b : 76; Lehtisalo 1936 : 205; Серебренников 1963 : 115). Более систематические сведения можно найти лишь в работах М. Кёвеша (Kövesi 1965 : 320—357; 393—407) и В. Алатырева (Алатырев 1976 : 46—47; 129—133).

Однако многие существенные проблемы в этой области остаются невыясненными, и прежде всего вопрос, являются ли суффиксальные аффрикаты наследием финно-угорского (уральского) или прапермского времени или они представляют собой результат более позднего отдельного развития пермских языков, а также связаны ли они между собой генетически.

При попытке разрешить хотя бы часть этих вопросов, исследователь сталкивается с затруднениями, связанными, во-первых, с очень ограниченным числом производных с данными суффиксами, существенная часть которых не поддается функциональному анализу вследствие от-

¹ Из исследования исключены удм. *-чи* (*вузчи* 'продавец'), представляющий собой татарское заимствование, коми *-нича* (*куканича* 'телятница'), *-чи* (*гривичи* 'жители села Гривы') и некоторые другие, заимствованные из русского языка. Поскольку языковой материал извлечен нами из словарей (КРС, УРС, ССКЗД) и словарных приложений к монографиям по диалектам коми языка (ВВД, ВСД, ИД, ЛЛД, НВД, ПД, СД, ССД, УД), он приводится в орфографии источника и без специальных помет. Ссылки на другие источники даются особо.

существования в языке соотносимой основы, во-вторых, с такой пестрой картиной взаимозамещаемости суффиксов, что установить источник каждой отдельной формы очень трудно. Неслучайно в этимологиях, имеющих в литературе, наблюдается большой разноречивостью. Обычно для аффрикативных суффиксов в праязыке реконструируют аффрикату *č (*-č) (Основы 1974 : 337). И. Дёрке (Gyögke 1935 : 30) к финно-угорской аффрикате *tš (*tš) возводит элемент -č суффикса -ac. Т. Лехтисало (Lehtisalo 1936 : 208) к той же аффрикате возводит и элемент ž. Объясняя все многообразие современных форм реликтовым чередованием ступеней, Ю. Тойвонен (Toivonen 1927 : 226) к единому источнику — ф.-у. или ур. *č (*č) возводит пермские суффиксы -š, -ž, -ž. Вслед за Тойвоненом Т. Утила (Uotila 1933a : 143) также считает аффрикативные суффиксы элементами различных рядов и переходов между аффрикатами (tš, tš, tš, dž) и спирантами (š, ś, s, ž, ž), возникшими в результате чередования ступеней. Кёвеси (Kövesi 1965 : 320, 393) реконструирует два источника для аффрикативных суффиксов пермских языков: *ś (? tš) < ур. *ś (? tš) для суффикса -č (-ac, -ic, -ič), а также -š (-iš, -as, -is) и ф.-у. *ńs (?ńtš) для -ž и -ž. Она высказывает сомнение в существовании суффиксальных аффрикат не только в прапермском, но и в финно-угорском праязыке, справедливо отмечая, что они могли возникнуть в языках отдельно (Kövesi 1968 : 283). Наш материал по пермским языкам свидетельствует в пользу такого подхода, по крайней мере не противоречит ему. Однако относительно источника аффрикативных суффиксов могут быть иные трактовки.

1. Как отмечено выше, круг производных с аффрикативными суффиксами весьма ограничен. Лучше других в коми языке представлен суффикс -ач; нами зарегистрировано 20 производных, образованных как от именных, так и от глагольных основ. В большей части суффикс хорошо вычленяется синхронно, что позволяет определить его основные значения. В отглагольном словообразовании он имеет следующие функции: а) выражение действителя (агента)²: лэбач 'птица' (лэбны 'лететь'), нв. сунач 'нырок' (сунны, сунавны 'нырять'); лл. мыктач 'заика' (мыктавны 'заикаться'); скр. пёръяч 'лгун, обманщик' (пёръявны 'обмануть, обманывать'); лл. вёрач 'ловкое существо' (вёрны 'шевелиться, двигаться'); вс. робач 'неряха' (робны 'делать что-л. неряшливо'); б) обозначение предмета, получившего признак по действию: кылач: ва-к. 'плывущий или нанесенный водой древесный хлам' (кывтны 'плыть по течению'); бергач: ва-б. 'водоворот', тóв-б. 'вертушка' (бергавны 'вертеться'); вс. шалач 'растрепан' (шалйалны 'ходить растрепой, ходить расстегнувшись'). В неотглагольном словообразовании обозначает: а) предмет или явление по его существенному признаку: визлач 'протока, быстрина' (визув 'быстрый, проточный (о воде)'); сс. шомач, лит. шомкор 'щавель' (шома 'кислый'); уд. шульгач 'левша' (шульга 'левый'), лл. вёняч 'корова с белой полоской на бедре' (вёнь 'пояс'); б) предмет, характеризуемый другим предметом: нёняч 'сосунок' (нёнь 'грудь, сосок'); скр. килач 'человек или животное с килой, грыжей' (кила 'кила, грыжа'); в) предмет, подобный другому предмету: вугач 'дерево, согнувшееся под тяжестью снега' (вуг 'дуга, ручка, напр. ведра, двери'); пеляч 'шапка-ушанка' (пель 'ухо').

Имеется несколько слов, значение суффикса в которых установить

² В этом значении суффикс в диалектах используется шире, чем в литературном языке, и чаще всего для выражения негативного момента в обозначении агента. Обычно он встречается в сочетании с другими суффиксами: скр. сс. выждачка 'капризуля', иж. вым. пёръячко 'обманщик, врунишка' (пёръявны 'обмануть') и др.

трудно, поскольку не ясна производящая основа: *пармач* 'сосна с обломанной вершиной' (? *парма* 'тайга'); *жыдач* 'чирок'; *чодлач* 'голубика' и т. д.

Наиболее часто суффикс встречается в отглагольной сфере словообразования, где воспринимается еще как живой, хотя уже не образует новых слов. В целом он относится к непродуктивным, редким суффиксам коми языка. В удмуртском языке он не встречается. Известен лишь один пример: диал. *pegatš* 'Flüchtling' (*pegàni* 'weglaufen') (Uotila 1933b : 77).

1.1. Все другие суффиксы выступают в очень ограниченных группах слов, для многих из которых невозможно найти в современных языках соотносимых основ: *-ич*: коми *калич* 'затвор, крючок'; удм. *шырич* 'паз, шпунт' (? *шырыны* 'резать, пороть'); *пырич* 'пешня' (Алатырев 1976 : 46); *-идз*: коми *дзоридз* 'цветок'; *өмидз* 'малина'; *вомидз* 'сглаз, порча' (? *вом* 'рот', ср. *вомавны* 'обругать, сделать выговор, запретить, отбить охоту, напр. к еде'); *саридз* 'море, теплые края'; *няридз* 'волокуша' (? *няр* 'замша, облезлая шкура'); *зөридз* 'хвощ луговой'. В названиях растений *-идз* может восходить к самостоятельному слову *идз* 'стебель'. В удорском и лузско-летском диалектах коми языка имеется также суффикс *-өдз* (*-өзь*), ясно выделяющийся значением 'место, характерное чем-либо': *пожмөдз* 'сосновый лес' (*пожөм* 'сосна'); *помледз* 'молодой хвойный лес' (*помель* 'молодой побег хвойных деревьев'); *тыөдз* ~ *тыөзь* 'место, богатое озерами' (*ты* 'озеро'). Вероятно, эти формы имеют связь с удмуртскими топонимами типа *Пужмезь*, *Малый Пужмезь* (*пужым* 'сосна'), *Перемезь* (КЭСҚдоп. 36).

1.2. Давно замечено, что в ряду аффрикативных суффиксов часто является элемент *-š/-ž* (коми *-ысь*, *-ась*, удм. *-эзь*), который выступает на месте аффрикаты, и, очевидно, связан с ней (Kövesi 1965 : 320). В современном коми языке суффикс *-сь* непродуктивен. Нам удалось обнаружить лишь 12 производных, в которых, хотя и с трудом, вычленяется суффикс с элементом *-сь*: уд. *тувсась* 'веснушка, веснушки' (? *тулыс* 'весна', *тувсов* 'весенний'); *тупөсь*: *нянь-т.* 'коврига хлеба' (? *тупыль* 'круглый, клубок'); *пыркись*: *нянь-п.* 'крошка хлеба' (ср. *торпырыг* 'крошка', *тор* 'кусок'); *корөсь* 'веник' (*кор* 'лист'); *төлысь* 'месяц' (? *төл* 'зима'); *пелысь* 'рябина'; уд. *лапөсь*: *ки-л.* 'ладони, поверхность ладони' (*лап* 'лист, поверхность'); вым. *чеччась* 'лягушка' (*чеччооны* 'прыгать'). Кроме того, в удорском и вымском диалектах коми языка этот суффикс достаточно регулярен на месте лит. *-ач*: лит. *лэбач*, уд. вым. *лэбась* 'птица', лит. *бергач*, уд. вым. *бергась* 'вертушка' (ССКЗД 474). Некоторые соответствия имеются также в коми-пермяцком (*ваись* 'водяной' (*ва* 'вода'); *вөрись* 'леший' (*вөр* 'лес')) и удмуртском (*пелезь* 'рябина', *толэзь* 'месяц, луна') языках.

2. Всего в пермских языках удалось обнаружить около 50 слов, образованных с помощью *-аś*, *-iś*, *-iś̄*, *-eś*, *-iś̄*, *-eś̄*, *-eś̄*, *-iś̄*, *-iś̄*, *-aś̄*. Примерно в третьей части эти суффиксы выступают как словообразовательные варианты. При этом в диалектах можно обнаружить самые различные варианты соответствий, например: коми лит. *пелысь*, вым. *пелидз*, уд. *пелич* 'рябина'; вым. л. *толич*, л. *толеч*, лет. *толидз* 'вид пырея'; *вугич*, *вугач* 'дерево, согнувшееся под тяжестью снега'; лит. *лэбач*, уд. вым. *лэбась* 'птица'; лит. *бергач*, уд. вым. *бергась* 'вертушка'; удм. *эмезь*, диал. *эмёз* 'малина'; *толэзь*, *толэз* 'месяц, луна', *крезь*, *кырезь*, *кырез* 'гусли' (Алатырев 1976 : 130—131). То же наблюдается при сопоставлении коми и удмуртского языков: коми *пыридз*, удм. *пырич* 'пешня'; коми *саридз*, удм. *зарезь* 'море, теплые края'; коми *өмидз*, удм. *эмезь* 'малина'; коми *төлысь*, удм. *толэзь* 'луна, месяц'; коми *вугич*, удм.

вугезь 'дерево, согнувшееся под тяжестью снега', коми диал. *шыридз*, удм. *шырич* 'паз, шпунт'.

Известно, что ненормированность диалектной речи допускает широкое варьирование словообразовательных элементов. Вопрос в том, является ли функциональная идентичность суффиксов поздним смещением функций различных элементов или, напротив, формальной дифференциацией одного и того же элемента. Здесь мы имеем дело с последним обстоятельством, в пользу которого говорят не только родственность функций рассматриваемых суффиксов и вариантный характер их взаимосвязи, но и отсутствие более или менее регулярных соответствий им в родственных языках. В связи с этим возникает вопрос, какую из форм суффиксов считать первичной, т. е. предположить ли деаффрикатизацию первоначальных аффрикат или, наоборот, более позднюю аффрикатизацию спирантов.

В литературе суффиксы *-сь*, *-зь* считаются вторичным явлением, возникшим в результате деаффрикатизации (Тоивонен 1927 : 230; Алатырев 1976 : 131; КЭСК и др.). Для подтверждения главным образом приводятся примеры с аффрикативными суффиксальными элементами из других родственных языков. В немногих примерах, которыми мы располагаем и этимологии которых считаются достоверными, реконструкция аффрикат не следует с необходимостью. Очень часто аффрикаты отсутствуют как в большинстве диалектов, так и в соответствиях из родственных языков, однако в реконструированных формах наличествуют. Примеры: коми *пелысь* (вым. *пелидз*, уд. *пелач*), удм. *палэзь* (*палэдз*) 'рябина' < общеперм. **pēliž* или **pēliž*. На пермской почве произошла метатеза: мокш. *пизел*, эрз. *пизёл*, фин. *pihlaja*, кар. *pihl*, эст. *pihlakas*, мар. *pi-zlā*, *pi-lžā*, *pəzā-lme*, *pizi-lme* 'рябина', манс. *pāšər*, хант. *pəfər* то же < доперм. **pičc-* (КЭСК 218); коми *тöлысь*, удм. *толэзь* 'луна, месяц'; аффриката выступает только в *toledž* малмыжского диалекта удмуртского языка < общеперм. **tölsč*; мар. *тылзе*, хант. *tiłəš* < доперм. **tšlčs-* (КЭСК 283); коми *öмидз*, удм. *эмезь* 'малина' < общеперм. **emež*; мар. *ə-ŋgəž*, *ə-ŋəž*, эрз. *iñzeŋ*, мокш. *iñəzi* < доперм. **šneče* 'малина' (Uotila 1933a : 243; Лыткин 1964 : 156; КЭСК 211); коми *саридз*, удм. *зарезь* 'море, теплые края' < общеперм. **sarəž* < иран. авест. *zrayah-*, др.-инд. *jrāyas-* 'море' (КЭСК 249); коми *пыридз*, удм. *прич* 'пешня' < общеперм. **pürič* 'пешня, лом'; фин. *purasin* 'долото, стамеска'; *puras* 'долото'; вепс. *puraz*, *puriž* то же (КЭСК 236; Лыткин 1964 : 196); коми *рöмидз* 'жвачка', ср. удм. *жоместыны* 'жевать жвачку' < общеперм. **römšs-*, *römšč-*; ?фин. *märhe*, *märe* 'жвачка', *märehtiä* 'жевать', саам. *mirede-*, *mırçe-* то же. В пермском языке предполагается метатеза (КЭСК); возможно также < иран. белудж. *römast* 'жвачка' (КЭСК доп. 38).

Отсутствие аффрикат в соответствиях родственных языков, а также в первоначальных формах заимствованных слов позволяет сомневаться в наличии их и в прапермских (а также в финно-угорских) суффиксах.

3.1. В пользу того, что более древними в ряду соответствий являются элементы *-сь*, *-зь*, свидетельствует материал современных языков.

3.1.1. Во-первых, аффрикаты-суффиксы возводятся к древнейшим суффиксам финно-угорского праязыка и должны были бы обнаруживаться в составе слов других частей речи, в частности глаголов. Однако во всех примерах, приводимых в литературе на этот случай, мы обнаруживаем лишь вторичную аффрикатизацию суффиксов *-сь* и *-зь* после основ, оканчивающихся на *-д* и *-т*: *бördзыны* 'заплакать' (*бördны*

'плакать'); *гартчыны* 'закрутиться, крутиться' (*гартны* 'крутить, заворачивать'); *чукортчыны* 'собираться' (*чукортны* 'собирать'), но *мыссьыны* 'мыться' (*мысськыны* 'мыть'); *повзьбыны* 'испугаться' (*повны* 'бояться'). Не случайно аффрикативный элемент чаще всего выступает в заимствованных из русского языка глаголах, основы которых в коми языке оканчиваются на *-ит*, *-айт*, *-уйт*: *купайтчыны* 'купаться', *прöщайтчыны* 'прощаться', *судитчыны* 'судиться', *баквалитчыны* 'бахвалиться', *красуйтчыны* 'красоваться' (Kövesi 1965 : 396, 341; Kövesi 1934 : 204). Позиционная аффрикатизация глагольных суффиксов после основ на *-т*, *-д* наблюдается и в удмуртском языке: *дышечкыны*, лит. *дышетскыны*, *дышетйськыны* 'учиться' (Загуляева 1977 : 82).

Аффрикаты не обнаруживаются в суффиксах прилагательных (кроме разве слов *уджач* 'трудолюбивый, трудяга' и *сулач*: *сулач мöс* 'корова с коротким дойным периодом', которые могут рассматриваться как адъективизированные существительные; ср. также диал. *ужась* и *сулась*), хотя все первичные суффиксы существительных являются также суффиксами прилагательных. Зато довольно часто здесь встречаются суффиксы с элементом *-сь*, основные значения которого: а) обладание каким-либо признаком: *мылькйöсь* 'холмистый, обильный холмами', *тойöсь* 'вшивый', удм. *вуйöсь* 'мокрый', *мелэсь* 'перепачканный мелом'; комиП *пизьöсь* 'запачканный мукой' (в этой функции он несомненно связан с суффиксом существительных диал. *-öдз ~ -öзь* (*тыöдз ~ тыöзь* 'место, обильное озерами')); б) выражение пространственных отношений: *ылысь*: *ылысь морт* 'дальний человек'; комиП *дорись* 'крайний', *бöрись* 'задний' и др.; в) обозначение материала, из которого изготовлен предмет: *пуысь* 'деревянный', *сёйысь* 'глинянный', комиП *муысь* 'земляной'. Две последние указывают на древнюю связь его с суффиксом исходного падежа коми *-ысь*, комиП *-ись*, удм. *-ысь* (коми *керкаысь* 'из дома'). Элемент *-сь* встречается и в некоторых деэтимологизированных прилагательных: *пöрысь* 'старый', *гырысь* 'крупный', удм. *гырэзь* 'сырой, недоваренный', а также в наречиях: *öтпырысь* 'один раз, за один раз'; *выльысь* 'снова', удм. *сюлмысь* 'сердечно, старательно', *отысь* 'оттуда'.

3.1.2. Во-вторых, аффрикативные суффиксы связаны с суффиксом причастий коми *-ысь*, комиП *-ись*, удм. *-ась*, *-ись*, который в пермских языках участвует в образовании *nomina agentis* и в этой функции имеет абсолютную продуктивность: *вузасьысь* 'продавец', *ытшысь* 'косец, косарь'; *дышедчысь* 'лентяй'; комиП *гöрись* 'пахарь', удм. *арась* 'женец', *нюлескась* 'охотник' и др. Суффикс же *-ач*, основная функция которого также выражение действителя, образует весьма ограниченную группу производных, к тому же часто чередуется с *-сь*.

3.2. Следовательно, элемент *-сь* (*-зб*) в пермских языках имеет широкое распространение в сфере как словообразования, так и словоизменения, что может свидетельствовать о его древности. Отсутствие аффрикативных суффиксов в словообразовании других частей речи позволяет скорее говорить о позднейшей аффрикатизации суффиксов в небольшой, количественно ограниченной группе слов, чем предположить процесс деаффрикатизации суффиксов как массовое явление, охватившее все сферы языка, за исключением некоторых существительных.

4. Тот факт, что аффрикативные суффиксы встречаются в ограниченном числе слов, свидетельствует о том, что аффрикатизация имела не внутренние, а внешние причины.

4.1. На наш взгляд, на процесс аффрикатизации повлияли заимствованные из русского языка слова на *-ач*, во-первых, непосредственно вошедшие в коми лексику (*кöлач* 'калач', *багач* 'богач'), во-вторых,

вошедшие с предварительным приспособлением к фонетической системе коми языка (*палич* < *палица*, *гӧснеч* < *гостинец*, *венеч* < *венец*, *вирич* < *вирец*, *ситеч* < *ситец*, *купеч* < *купец*, *гӧбӧч* < *голбец*). Формальное уподобление коми суффикса русскому оказалось тем более возможным, что оба суффикса функционируют примерно в одних и тех же семантических областях. Такое же влияние на аффрикатизацию удмуртских суффиксов оказали заимствования из русского (напр. *толмач* < *толмач*) и татарского (*чӧкич* 'молот, молоток' < тат. *чӱкеч*, тур. *чекич*, башк. *сӱкеш*, азерб. *чӱкӱч* и др.; Алатырев 1976 : 47) языков.

4.2. Определенную роль в процессе аффрикатизации могли сыграть фонетические позиции внутри каждого конкретного слова, а также аналогия с глагольными суффиксами, которые аффрикатизировались довольно часто, поскольку в глаголах чаще возникали соответствующие фонетические условия.

5. Что касается суффикса -*з*, то вслед за Видеманом (Wiedemann 1884 : 65) мы склонны рассматривать его как фонетический вариант -*с*, который мог возникнуть в определенных фонетических условиях, а затем обобщиться. Не случайно он встречается гораздо реже, чем -*с*. Возможно, что формальное обособление его сопровождалось закреплением за ним определенных функций, например, функции выражения места, обильного чем-либо, за суффиксом коми -*ӧдз*.

6. Обобщая изложенное, можно сказать, что материал современных пермских языков позволяет сомневаться в правомочности реконструкции суффиксальных аффрикат в праязыке. Развитие системы аффрикативных суффиксов в пермских языках представляется нам следующим образом: древний общепермский суффикс **š*, развившийся в удмуртском именном словообразовании в гласный + *зь* (реже *сь*), а в коми — в гласный + *сь* (реже *зь*), под влиянием внешних условий, а именно, под влиянием заимствованных из неродственных языков аффрикативных суффиксов, подвергаясь частичной аффрикатизации, образовал формы коми -*ич*, -*ыч*, -*ач*, -*эч*, удм. -*ич*, -*ыч*, которые в свою очередь могли озвончиться в определенных фонетических условиях и в различных диалектных областях в коми -*идз*, -*ӧдз*, удм. -*эз*.

7. Очевидно, аналогичный процесс можно предположить и в других финно-угорских языках, не только потому что они тоже образуют весьма пеструю картину соответствий, что допускает самые различные этимологии, но и потому, что аффрикативные суффиксы обычно имеют место в языках и диалектах, которые больше всего испытали влияние неродственных языков. Так, из прибалтийско-финских языков аффрикативные суффиксы обнаруживаются в вепсском, водском, карельском языках. Эстонские образования на -*ts* особенно многочисленны в южных диалектах и почти не встречаются в литературном языке. Из обско-угорских аффрикативных суффиксов можно назвать только суффикс -*č̣i*, встречающийся в южных (тавдинских) диалектах мансийского языка и обнаруживающий связь с соответствующим татарским суффиксом.

В этом плане наиболее убедительный материал дают венгерские суффиксальные аффрикаты -*c* и -*cs*, не известные венграм вплоть до XII—XIV вв. М. Кёвеші считает, что они возникли под влиянием славянских, латинских, немецких (*c* < *sz* < **š*), а также тюркских (-*cs*) заимствований (Kövesi 1968 : 283—289). Показательно, что аффрикативные суффиксы финно-угорских языков часто функционально тождественны соответствующим суффиксам соседних неродственных языков, например, обозначение лица, действителя (часто с негативным зна-

чением): фин. диал. *rumitsa* 'большой зверь или человек', эст. *ihnats* 'скряга' (Коньт 1955 : 12), кар. *puricča* 'кусака', эрз. *jakiča* 'ходок' (Серебренников 1963 : 156), венг. *rohanc* 'подросток' (*rohanni* 'мчатся'; Майтинская 1965 : 79), ср. рус. *лихач*, *рвач*, *бородач*, *трепач*; орудия труда: эст. *kaabits* 'скребок', *tõtmits* 'тяж' (Казик 1973 : 21), ср. рус. *тягач*. Нам думается, что более детальный анализ функций этих суффиксов с точки зрения влияния различных неродственных языков (русского на прибалтийско-финские, мордовские, коми, татарского на удмуртский, марийский, мансийский, немецкого на венгерский и т. д., также древнетюркских на самодийские) в значительной степени облегчил бы решение проблемы.

Сокращения

вым. — вымский диалект; **иж.** — ижемский диалект; **л.** — прилузский говор; **лет.** — летский говор; **лл.** — лузско-летний диалект; **нв.** — нижневьегодский диалект; **скр.** — присыктывкарский диалект; **сс.** — среднесыольский диалект; **уд.** — удорский диалект.

ВВД — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневьегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966; **ВСД** — Т. И. Жилина, Верхнесыольский диалект коми языка, Москва 1976; **ИД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **КРС** — Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова, Коми-русский словарь, Москва 1961; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1948; **КЭСКдоп.** — Дополнение к КЭСК. Коми филология. — Труды Института языка, литературы и истории, вып. 18, Сыктывкар 1975; **ЛЛД** — Т. И. Жилина, Лузско-летний диалект коми языка. Научный отчет, Сыктывкар 1975 (Архив Коми филиала АН СССР); **НВД** — В. А. Сорвачева, Нижневьегодский диалект коми языка, Москва 1978; **ПД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Печорский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **СД** — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; **СКЯ** — Современный коми язык, Сыктывкар 1955; **ССД** — Н. А. Колегова, Среднесыольский диалект коми языка. Научный отчет, Сыктывкар 1971 (Архив Коми филиала АН СССР); **УД** — В. А. Сорвачева, Удорский диалект коми языка. Научный отчет, Сыктывкар 1972 (Архив Коми филиала АН СССР).

ЛИТЕРАТУРА

- Алатырев В. И. 1976, Именные деривационные аффиксы. Этимология некоторых слов, Ижевск (Вопросы удмуртского языкознания IV).
- Бубрих Д. В. 1949, Грамматика коми литературного языка, Ленинград.
- Емельянов А. П. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Загуляева Б. 1977, Особенности употребления аффрикат в прикильмезских говорах удмуртского языка. — *Fenno-ugristica*, 4, Тарту.
- Казик Р. О. 1973, Деривационные отношения глаголов и отглагольных существительных в современном эстонском языке. Автореферат канд. дисс., Тарту.
- Коньт И. 1955, Эстонские суффиксальные имена существительные, обозначающие лиц. Автореферат канд. дисс., Тарту.
- Лыткин В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- Майтинская К. Е. 1965, Словообразование имен в старо- и средневенгерском языке, Москва.
- Серебренников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Györke, J. 1935, Die Wortbildungslehre des Uralischen, Tartu.
- Kövesi, M. 1965, A permi nyelvek ősi képzői, Budapest.
- 1968, Über das Problem der Afrikatasuffixe der finnisch-ugrischen Grundsprache. — *CIFU* II, 283—289.
- 1934, Syrjäänin *s* (*rs*) johtimesta. — *Vir.* 203—211.
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).
- Toivonen, Y. H. 1927, Zur geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden affrikaten. — *FUF* XIX, 1—270.

- Uotila, T. E. 1933a, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu LXV).
— 1933b, Derivationsuffixe. — FUF XXI, 73—94.
Wiedemann, F. J. 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg.

G. V. FEDJUNOVA (Syktyvkar)

ZUR GESCHICHTE DER AFFRIKATIVEN SUFFIXE DER SUBSTANTIVE IN DEN PERMISCHEN SPRACHEN

Das Problem der affrikativen Suffixe in den permischen wie auch in anderen finnisch-ugrischen Sprachen ist aufgrund der mannigfaltigen und bunten Entsprechungen, der verhältnismäßig wenigen und nicht immer überzeugenden Etymologien eine der Streitfragen der Finnougristik. Es ist die Frage zu beantworten, ob die affrikativen Suffixe tatsächlich ein finnisch-ugrisches Erbe sind, oder ob sie als Resultat späterer separater Entwicklung in den permischen Sprachen entstanden sind. Das im vorliegenden Beitrag betrachtete permische Material stellt die traditionelle Rekonstruktion der affrikativen Suffixe in Frage. In den gegenwärtigen Sprachen bilden die permischen Suffixe wie k. *-au* (= *-ac*), *-uu* (= *-ic*), *uδz* (= *-iž*) udm. *-uu* (= *-ic*), *-ež* (= *-ež*) wenige Ableitungsgruppen der Substantive, in denen sie oft gegen Suffixe wie k. *-bicb* (= *-iś*), udm. *-ež* (= *-ež*) ausgetauscht werden können. Affrikative Suffixe tauchen in keiner anderen Wortart auf. Deshalb kann man die affrikativen Suffixe der permischen Sprachen nicht für finnisch-ugrische halten; sie sind aus dem Ursuffix *š durch Affrikation entstanden. Russische und tatarische Entlehnungen mit ähnlichen Suffixen übten auf die Affrikationsprozesse Einfluß aus.